

Марина

ЧЕРНОСКУТОВА

НЕЛЕТО

Это нелето — новое время года.
Так же, как лето, с мая до сентября.
Вспаханы тучи небесного огорода.
Хмурые птицы-дни выводят птенцов-хмурят.

Хило ползёт июль — середина нелета.
Гроза-развлекуха: разряд, затишье, дулет...
Буксуют машины, буксуют прогнозы, приметы...
Что за хвороба этот солнечный диабет?

ХРОНЬ

Четвертиночка от любви,
Четвертиночка от семьи,
И от века себе четвертинка...
Навсегда заело пластинку.

Удавила горе в горсти,
Чтобы четверть эту нести
И вину на излёт декабря,
Что любила не только тебя.

В оправдание вспомнить к столу,
Как просил не сидеть на углу...
Откололась четверть — живи
И молчи в стихах о любви.

*

Выпить водки граммულку в кафешке вокзальной —
Отрезветь. Отдирая гремучий ошейник слабости сладкой,
с корнем вырвать мечты — и на воздух... Нырнуть куропаткой
в холодный сугроб городской суеты. Нейроном — в извилины улиц.

Отходить эту боль до бессилья. Реестр резервов
Развернуть, прочитать, усмехнуться — не так уж и много.
Помолиться бы мне, да грешно: отродясь без надежды на бога.
На хрена бурлаку кроме лямки впендюривать крылья на плечи?

А знаешь, среди динозавров тоже были поэты.
 Хорошие и не очень, и такие, как я.
 Тоже рядили-спорили дни воспевать или ночи,
 И как рифмовать возможно, а как вообще нельзя.

Верили — просто не поняты. Верили — гениальны.
 Верили — время рассудит: откроют, полюбят, поймут...
 Не смейся. Конечно, образ. Всё у меня нормально.
 Спасибо. Уже починили. Сантехник поставил хомут.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Детство моё деревенское,
 Детство моё молочное.
 Жизнь по гудкам вокзальным —
 Неспешно без времени точного.
 Судьбы веками отмерены
 Просто: восход — закат.
 В сердце стучит неосознанно:
 Человек человеку — брат.

Рвал скорлупу околиц
 Цыплячий восторг взросления.
 Вырваться, вырваться, вырваться!
 В город — мечты круж(ш)ение.
 Вывернул, выхлопал, вытравил
 Угар заводских окраин.
 Разгульно, похмельно, нечаянно:
 Человек человеку — каин.

Жизнь с портретами вместо икон
 От рожденья душа — безпризорник.
 Чёрной церковью — террикон.
 В пику — рыбный четверг и вторник.
 Чтением между строк
 И хронически страха простуда,
 Шепчет в каждом шкафу пророк:
 Человек человеку — иуда.

Я испил и это, и то
На помины века-погоста.
Человек человеку — никто,
Как причастие девяностых.
Я бы с этим причастием сдох,
Вам оставив многая лета,
Только мамы последний вздох
Хрипом вырвал от горнего света:
Человек человеку — Бог.

НАТАША

1

В окно не достучавшись, дождь ушёл.
Ты знаешь, для чего приходит утро?
Господь и я — Любовь и камасутра.
И выбор снова что-нибудь из зол.

Диагноз: онкология души.
И нет лекарств, и вряд ли искупленье.
Варю тебе вишнёвое варенье.
Хоть что-нибудь в фейсбуке напиши.

В одном лице палач и айболит.
Ты знаешь, в обречённости свобода.
Я буду для других стоять у брода.
И ангел мой спокоен, не ворчит.

Чего терять? В разгул, в разврат, в притон...
Но я с тобой и Богом до разлуки.
Ну напиши хоть что-нибудь в фейсбуке.
Я в ад возьму серебряный патрон.

2

Я приеду к тебе в ноябре.
В этот морок московский серый.
А у нас уже снег переспелый,
Белый-белый сибирский снег.

На бегу по Кремлю и Тверской —
Для соседей дежурные фотки.
За ноябрьский день короткий
Всю Москву всем сердцем объять.

И душа и глаза в разбег.
Мне ва-банк в самолёт и подземку.
Так встречай же шорку туземку
Дорогая моя Москва.

Говорят, ты не веришь... Не верь.
Я сюда не плакать, а в гости.
Да и вы нытьё своё бросьте,
Заглушают колокола.

Мне в Измайлово, мне к тебе,
В затаившийся центр мира.
Стала храмом твоя квартира,
И лампаду затеплил Роман.

Я не знаю, что будет потом.
Там стоп кадр, звонок, остановка...
В храме пить грешно и неловко.
Вся Москва — Наташа моя.

*

Душа?.. Моя?.. Цветы и гвозди,
Гладью вышивка по кирзе.
Рвёт железо вода на морозе.
Всхлип свободы в забитом гвозде.

Но по-детски размазать слёзы.
Тяжесть век — вековая злость.
Просочится сквозь плаху мимоза,
Овивая ржавеющий гвоздь.

ВОСКРЕСНОЕ УТРО

Дома — подснежные лодки.
Ввысь — перископы дымов.
Под объективом солнца
Дыхание розовых снов.

Редкий щелчок морозный –
Оттенок густой тишины...
Очень близко до Бога
И далеко до страны.

ПЕРЕВАЛ

Испиты давно и пиво, и водка, и квас...
Пуд соли, с кем выпало, съеден. С другими лень.
За жизнь по-хомячьи много чего про запас:
Профессия, опыт и прочая дребедень.

Так упирался и лез на свой эверест.
Сидишь на вершине, оглохший от высоты.
Можно, конечно, вцепиться в этот насест
И кукарекать, типа с Богом на ты.

Россыпь камней — не бисер, но всё же — да.
Крест водрузить. Отвесить земной поклон.
Признаться на миг — отравиться тоской навсегда:
Всё, что ты понял, давно сказал Соломон.

А дальше жизнь по яголке, как с куста.
Прикидывать сходы и вешки по склону лет.
По барабану, который год и верста...
Давай — о диете или вреде сигарет.

*

А Байкалу глубоко холодно и ровно,
Кто приехал с пиететом, кто бухой в дугу.
Это ты приговорил сам себя условно
Всю оставшуюся жизнь срок на берегу
Отбывать. Кудель-тоску скручивать спокойно,
Заразившись чем-то там вечным и немым...
Только омули поют и поэты: "Ой, на..."
В межпланетном челноке Кострома - Кыштым.